
Андре Моруа
Сентябрьски
розы
ВПЕРВЫЕ

Андре Моруа

Сентябрьские розы

Серия «Азбука Premium»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9600888
Андре Моруа. Сентябрьские розы: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10030-5
Оригинал: AndréMaurois, “LES ROSES DE SEPTEMBRE”
Перевод:
Алла Н. Смирнова

Аннотация

Впервые на русском языке его поздний роман «Сентябрьские розы», который ни в чем не уступает полюбившимся русскому читателю книгам Моруа «Письма к незнакомке» и «Превратности судьбы». Автор вновь исследует тончайшие проявления человеческих страстей. Герой романа – знаменитый писатель Гийом Фонтен, чьими книгами зачитывается Франция. В его жизни, прекрасно отлаженной заботливой женой, все идет своим чередом. Ему недостает лишь чуда – чуда любви, благодаря которой осень жизни вновь становится весной.

Содержание

Часть первая 5
I 5
II 9
III 12
IV 14
V 16
VI 18
VII 21
VIII 24
IX 26
X 29
XI 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Андре Моруа
Сентябрьские розы

Copyright © Les Héritiers André Maurois, Anne-Mary Charrier, Marseille, France, 2006
© А. Смирнова, перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологической прозы. Впервые на русском языке его поздний роман «Сентябрьские розы», который ни в чем не уступает полюбившимся русскому читателю книгам Моруа «Письма к незнакомке» и «Превратности судьбы». Автор вновь исследует тончайшие проявления человеческих страстей. Герой романа – знаменитый писатель Гийом Фонтен, чьими книгами зачитывается Франция. В его жизни, прекрасно отлаженной заботливой женой, все идет своим чередом. Ему недостает лишь чуда – чуда любви, благодаря которой осень жизни вновь становится весной.

> Откровенные признания совсем как женщины: те, которых мы слишком сильно желаем, избегают нас, а те, которых мы опасаемся, напротив, нас преследуют.
> *А. Моруа*

Часть первая

Есть столько способов сказать правду, не высказав ее до конца! Разве полнейшая отрешенность от всех соблазнов помешает бросить взгляд издалека на те самые соблазны, от которых отрекаешься? И найдется ли человек, владеющий своими чувствами настолько, чтобы поручиться, что к нему в сердце никогда не закрадется сожаление, сыскав лазейку между смирением, которое зависит от нас самих, и забвением, которое нам может принести только время.
Эжен Фромантен[1]

I

Вечер был мягким и мглистым. Они шли по аллеям Булонского леса, по ковру из опавших листьев, отзывающихся на их шаги шелковистым, приглушенным шорохом. Эрве Марсена подумал, что стремительные движения, худощавая фигура, блеск в глазах делают его спутника неожиданно юным. Он попытался заговорить с ним о его книгах. Фонтен остановился и негодующе вскинул к небу трость:

– Ах нет, друг мой, нет!.. Оставим в покое эти несчастные творения. Вам может показаться это притворством, но я их почти все позабыл… Это же вполне естественно. Ведь что такое книга? Мысль, застывшая в определенное мгновение… Автор… э-э… делает слепок своих чувств в некий момент X… Но человек, которого вы встречаете десять, двадцать лет спустя, это человек из времени Y или Z; с автором вашей любимой книги у него нет ничего общего, кроме воспоминаний детства, да и то… Тот Гийом Фонтен, что в убогой комнатке писал свои «Экзерсисы», которые вы изволите расхваливать, мне уже представляется неким незнакомцем… Отсюда и глубокое безразличие писателя к своему прошлому творчеству, невыносимая скука, которую он испытывает, если вынужден перечитывать свои книги… Вы потом в этом сами убедитесь.

– И тем не менее, дорогой мой учитель, Бальзак любил рассуждать о своих героях.

– Бальзак – это редчайший феномен: подлинный романист… А я… Я романист не в большей степени, чем Монтескье, а он-то отнюдь не был таковым.

– Но ваши романы…

– Друг мой, когда вы узнаете меня лучше, то поймете, как появились на свет мои романы. Вам ведь приходилось слышать о безумных и пылких молодых особах, что приходят к мужчине, которым восхищаются, и заявляют ему: «Я хочу от вас ребенка!» Так вот… Представьте теперь, что некая женщина сказала мне: «Я хочу от вас роман», и вы окажетесь недалеки от истины. Я уступил, в таких случаях всегда уступают. Роль Иосифа унизительна… Я, если можно так выразиться, несколько раз согрешил, и мои романы – это проявления моей слабости… Но не могу сказать, что эти мимолетные прихоти имеют для меня хоть какое-то значение.

– А что для вас имеет значение?

– Что имеет значение?

Гийом Фонтен вновь вскинул трость:

– Прежде всего, удовольствие от самого процесса размышления… Не для того, чтобы это описать… Но для себя самого, когда читаешь этих мыслителей… Что имеет значение?

[1] «Доминик», перевод А. Косс.

Бродить по библиотеке, взять наугад какую-нибудь книгу, переворачивая страницы, неожиданно наткнуться на фразу, которая приведет в восторг; перечесть автора, что был верным спутником юности; испытать радость оттого, что его ты нашел новым, а свои собственные ощущения все теми же… Что имеет значение? Дружба. Но не ревнивая дружба. Дружба, которая основана на взаимном уважении, родстве чувств, особенно если это дружба между мужчиной и женщиной, исполненная чувственности, но при этом не… э-э… не обожженная ревностью.

– Так вы не любите свою работу?

– Люблю, разумеется… Вернее, мне хотелось бы за несколько лет плодотворной лености произвести на свет какой-нибудь короткий шедевр: «Кандид» или «Цветы зла»… Мне хотелось бы медленно накапливать максимы и характеры. Все мы пишем слишком много. Не потому, что мы сами этого хотим. Нас к этому подталкивают. К тому же надо как-то жить… Вот представьте себе, мой дорогой друг, вы выбираете эту профессию – поскольку ныне это называют профессией, – позвольте же мне обозначить некоторые моральные наставления… Вы не станете им следовать, я и сам не следую им, что не мешает им оставаться превосходными… Не стоит жить в Париже… Приезжайте сюда время от времени, чтобы изучать мир, который вам следует все же знать, но работать надлежит в одиночестве. Никогда не встречайтесь лично с издателем или главным редактором газеты. Завяжите с ними переписку, если в этом есть необходимость, но не принимайте в расчет их поступки или советы… Не стоит заботиться о рыночной стоимости книги. Буало *отдавал* свои книги Клоду Барбену, он их ему не продавал, и если он говорил о Расине:

Когда вы пишете и долго, и упорно,
Доходы получать потом вам не зазорно…[2]

так это благодаря… э-э… снисходительности друга, который в глубине души осуждал это… Никогда не слушайте советов супруги, любовницы, льстеца… Публикуйте мало… Раскрывайте свою ладонь, только если она полна. И *главное*: заботьтесь прежде всего о форме… Фо-о-орма, друг мой, фо-о-орма… Лишь она одна порука тому, что произведение будет жить долго. Сюжет не значит ничего. Теокрит записывал разговоры обычных домохозяек, Цицерон выступал в суде, ведя пошлые административные тяжбы, Паскаль беседовал с воображаемыми иезуитами, подобного рода ученые споры давно ушли в прошлое. Всех этих авторов по прошествии стольких веков читают по-прежнему благодаря отточенной форме… Она одна лишь, уверяю вас, раскрывает индивидуальность человека… Лучше написать поэму, чем роман… Вот я, к примеру, пишу романы, которые отнюдь не являются поэмами. Так я их и не люблю, друг мой, знайте, что я их не люблю. Video meliora proboque…[3]

Всю эту тираду он произнес со страстью, расталкивая своей тростью камешки на тропинке.

– Как вы суровы! – воскликнул Эрве. – Ваши романы поэтичны, а что касается формы, их безыскусную простоту я предпочитаю всем этим украшательствам, когда каждое слово сияет собственным блеском, отдельно от прочих.

Они приближались к заставе Сент-Джеймс. Фонтен остановился возле решетки, встав прямо перед молодым человеком, при этом его едва не сбил въезжающий в Булонский лес автомобиль.

---

[2] *Буало Н.* Поэтическое искусство. Перевод Э. Линецкой.

[3] «Вижу доброе и сочувствую ему…» (У этого высказывания имеется продолжение: «…творю же худое».) *(Здесь и далее прим. пер.)*

– Нет-нет! – запротестовал он. – Оставьте мне, по крайней мере, право самому осознавать свои возможности.

– Но если таковы ваши ощущения, дорогой мой учитель, отчего бы вам не попытаться примириться с собой? Вы достаточно свободны, известны, богаты, чтобы ни от кого не зависеть. Разве вы не можете делать все, что пожелаете?

– Мой добрый друг, – ответил Фонтен, – вы не знаете жизни. Это продажная девка с железным характером. Она обуздает вас, как и всех прочих… И не надо думать, будто я богат!.. Напротив… Некогда я женился, это правда, на богатой женщине, но с тех пор случилась война, и потом это падение франка, в общем, Полина теперь бедна. Но ее вкусы и склонности остались вкусами и склонностями богатой женщины, и, чтобы дать ей возможность жить так, как она привыкла, я вынужден продавать себя… Ну вот!.. Мы и пришли. Надо перейти улицу.

Дом, в котором Гийом Фонтен обитал в Нёйи на углу бульвара Ришар-Валланс и улицы де ла Ферм, находился посреди сада. Вычурная постройка с двустворчатыми окнами, причудливыми балконами, крыльцом с волютами: некая помесь поддельной готики, поддельного ренессанса и слишком подлинного стиля 1900-х. Фонтен пригласил своего спутника пройти в сад, который, словно сад префектуры, был засажен фиолетовыми и желтыми анютиными глазками на овальных клумбах. Подняв трость, он с отвращением указал на фасад.

– Полюбуйтесь! – произнес он. – Разве это можно назвать жилищем писателя? Такой богатый и такой… э-э… уродливый. Жить надо или в красивом месте, или в келье. Но где взять средства? Моя жена унаследовала это… строение от первого мужа… Порвать с прошлым трудно, даже невозможно… Войдите на минутку… Я вам покажу свое оборонительное сооружение. Ведь надо же как-то обороняться.

Он провел Эрве в вестибюль с колоннами, облицованный, словно холл отеля, белым и черным мрамором, затем, спустившись на несколько ступеней по лестнице, они оказались в библиотеке. Там, выстроившись в бесконечные ряды, сияли золотые переплеты. Фонтен огляделся:

– Здесь, по крайней мере, я сам себе хозяин… Садитесь в кресло, друг мой.

После негромкого стука в дверь появился старик в белоснежной куртке, тучный, торжественный, хитроватый на вид. Он казался мягким и добродушным, как каноник из комедии.

– Мадам велела передать месье, чтобы он не забыл: он ужинает в посольстве, сейчас половина восьмого, а на ужине нужно быть в смокинге.

Гийом Фонтен вздохнул, возвел глаза к небу и повернулся к своему гостю.

– В смокинге, – повторил он. – В смокинге!.. Вот так-то я сам себе хозяин… Смокинг! Мое лакейское одеяние… Словом, вам здесь оставаться еще минут пять, мой добрый друг… Алексис, ступайте, скажите хозяйке, что здесь я повинуюсь музам и выйду отсюда, лишь когда меня заставят обстоятельства.

Алексис, мягко и снисходительно улыбаясь, неслышно направился к двери, а Фонтен вновь обратился к Марсена:

– К черту посольства!.. Опоздание – вежливость художника… Ну да… В художнике ценят не только творчество, но и его протест против условностей. Он должен быть… э-э… воплощением свободы. Буржуа притворно гневается: «Однако же, что они такое говорят, этот Верлен, этот Рембо!» А в глубине души весьма доволен… Кстати, конструктор автомобилей, который частенько приглашает меня на ужин… Как вы его называете? Ну, знаете, тот самый, у которого мы с вами познакомились?..

– Ларивьер?

– Да-да, Ларивьер… Так вот! Этот человек признателен мне хотя бы за то, что я, несмотря на всякого рода принуждения, налагаемые обществом или семейной жизнью, по-

прежнему непунктуален, ленив, непредсказуем, между тем как сам он таковым быть не решается… *«Ваша работа!»* – почтительно выражается моя супруга… Работа! Работа – это святое! «Ты будешь зарабатывать хлеб свой написанием романов», – говорит Господь. Почему? А что, если пуритане ошибались? Что, если жизнь создана для удовольствий? Пуритане богатеют, вместо того чтобы наслаждаться, они не наслаждаются своим богатством. Все это зиждется на ложных постулатах. «Суета сует», – говорит нам Екклесиаст, но сам не верит ни единому слову… Во всяком случае, перечтите его… Вы убедитесь, что Екклесиаст был старым распутником, который на исходе жизни находил особое удовольствие в том, чтобы сетовать и жаловаться.

Таким образом он рассуждал еще не менее получаса и сдался лишь после третьего предупреждения супруги, которая явилась высказать его лично. В вечернем платье, с обнаженными упругими плечами, бриллиантовым полумесяцем в волосах, выглядела она весьма величественно. Ее «бархатистые» глаза, которыми некогда так восхищались газетчики, по-прежнему торжествующе сияли. В ней привлекал незаурядный ум, а нарочитая бестактность, напротив, отталкивала. При взгляде на госпожу Фонтен вспоминались эти робкие высочайшие особы, которые бессознательно причиняют боль. Она взглянула на Эрве с откровенной неприязнью:

– Прошу вас, сударь!.. Позвольте моему мужу одеться. Нам давно пора было выходить… Право же, Гийом, это неразумно…

– Полина, – сказал Гийом, – не будем примешивать разум в дела, где ему вовсе не место… Ну, до свидания, друг мой, и до встречи!

– Да-да, – подтвердила супруга. – Приходите как-нибудь к нам обедать. Это будет наилучший способ увидеть Гийома, не мешая его работе.

При свете луны, поднявшейся уже высоко, вырисовывались короткие резкие тени. Бледные уличные фонари вытянулись вдоль пустынного, бесконечного, унылого бульвара. Шагая к станции метро, Эрве Марсена размышлял о том, что скрывается за горьким шутовством Фонтена. Зарождающийся бунт или болтливое смирение? И кто такая Полина Фонтен? Добрая советчица или домашний тиран? Он сам не понимал и удивлялся, как случилось, что он, причем так неожиданно быстро, оказался близок к человеку, который прежде казался ему неприступным.

II

Эдме Ларивьер жила на набережной Бетюн, в обветшалом доме, хотя и в приличной квартире. Эрве Марсена, который вот уже двадцать минут ждал ее возвращения, обратил внимание, что обивка кричащих расцветок, с резкими линиями и углами являла хорошо продуманный диссонанс с деревянными панелями в стиле Людовика XV и белыми китайскими вазами. Между двумя окнами с драпировкой старинного шелка два узора в виде красных амеб обрамляли какой-то синий наклонный рифленый цилиндр. Эрве встал, чтобы прочитать заглавия книг на полках, и вновь почувствовал все тот же кисло-сладкий привкус.

«Моя кузина Эдме, – подумал он, – особа впечатлительная и утонченная».

Манеры этого высокого молодого человека, совсем недавно прибывшего из Лимузена, не имели ничего общего с манерами его современников: понимать людей ему было куда приятнее, чем их порицать.

Выгнутое полотнище, висевшее в дверном проеме, распахнулось. Вошла Эдме в светло-сером, отличавшемся изысканной простотой костюме. В сорок лет она сохранила походку юной девушки. Свежий цвет лица, казалось, свидетельствовал о том, что душа пребывает в мире и покое. Ее чистое, с правильными чертами лицо, светло-желтые глаза, звонкий голос и ясные представления о жизни Эрве находил весьма приятными, но ангельская строгость кузины всегда вызывала у него смутное беспокойство.

– Прости, Эрве, я опоздала.

– Ничего!.. Я любовался твоими картинами.

– У меня прекрасный Вламинк, не правда ли?.. Как твои дела? Ты уже подписал контракт с пресс-службой?

Она взяла на себя роль покровительницы и защитницы провинциального родственника, делающего первые шаги в Париже.

– Да, все в порядке, – ответил он. – Все эти посвящения мне дались непросто.

– Не утруждай себя, все равно их никто не читает. Ты уже получил письма?

– Только одно, но я от него в восторге: от Гийома Фонтена.

– Не может быть! Гийом тебе написал?

– Восхитительное письмо.

– Вот уж льстец… Наш Гийом не особо щедр на письма. Ты восхищаешься им? Мне казалось, он не особо близок вашему поколению.

– Восхищение – не совсем подходящее слово, скорее, некое родство.

– И что? Ты виделся с ним?

– Да, мы гуляли с ним по Булонскому лесу, я даже проводил его до дома.

– Откуда тебя тут же выставила его супруга?

– Нет, там она им вновь завладела… Расскажи мне о ней, Эдме.

Какое-то мгновение она помедлила.

– Полина Фонтен? Я знаю ее уже давно. Она приходила к моим родителям, когда я была еще маленькой девочкой. В те времена она звалась мадам Берш, ее муж был банкиром, он финансировал папино издательство… Красивая, влиятельная, властная… Что ты хочешь узнать о ней? Урожденная Полина Ланглуа, из университетской среды. Ее отец был ректором в Нанси, философом. Папа опубликовал в своем издательстве «Философский словарь» Ланглуа… Она была воспитана в преподавательской среде, весьма «просвещенная», как говорят люди, которые таковыми не являются… во всяком случае, очень начитанная.

– Почему же она вышла замуж за банкира?

– А почему бы и нет? Я же вышла за конструктора автомобилей. Я не слишком хорошо знаю историю их женитьбы. Это все происходило в Нанси… Берш, который был гораздо

старше этой юной особы, предложил ей стать своего рода местной владычицей. Должно быть, семейство Ланглуа очень давило на нее, и Полина, честолюбивая, амбициозная, уступила… Впрочем, Берш был так мил, что умер почти сразу же после свадьбы, оставив двадцатидвухлетней вдове дом в Нанси, еще один дом в Нёйи (тот самый, где сейчас живут супруги Фонтен), загородный дом в Лотарингии и состояние, часть которого она тратит на меценатство: покровительствует литературе – вернее, литераторам.

– Как она познакомилась с Фонтеном?

– Она часто принимала у себя писателей. Думаю, в этом был некий элемент «компенсации»; должно быть, брак с банкиром дочь ректора воспринимала как своего рода поражение. Она заполучила, возможно не к добру, несколько «литературных» знакомств, причем с каждым разом ее гости становились все известнее. Потом у нее в доме появился Гийом Фонтен, и был он таким ярким, что в сравнении с ним все окружающие поблекли. Именно она открыла его и очень этим гордилась. Поначалу она привязалась к нему, потому что верила в его будущее. Любовь пришла только потом, и эта любовь стала главным в жизни Полины… Это вызывает к ней симпатию… Но она чудовищно ревнива. Нужно защищаться. Впрочем, должна признать, что она-то и создала того Гийома Фонтена, которого все мы знаем.

– Создала! Это преувеличение, Эдме! Ему не нужен был никто, кто бы его *создал*. Его талант проявился задолго до этой встречи.

– О святая наивность! Талант и слава – вещи совершенно разные. Бывает, что они совпадают, но зачастую и расходятся. Есть каста неприкосновенных, стоит такому человеку написать что-то вроде: «Сегодня с утра небо было пасмурным; я решил надеть теплые кальсоны», как все начинают кричать о его гениальности, и есть, напротив, гении, которых признают таковыми только после их смерти.

– Да, разумеется, потому что они сами не желали славы. Стендаль предпочитал строить романтические отношения с Матильдой Дембовской или болтать с Мериме, а не разглагольствовать на разных церемониях. Он и получил то, что хотел. Все в конечном итоге получают то, что хотят.

– Именно… Гийом до Полины словно сознательно избегал успеха. Он вел уединенную жизнь, посвященную поискам счастья, своего личного счастья, в его представлении это чувственность, безделье, чтение, писал он очень мало… Впрочем, сам можешь посмотреть даты. Гийому пятьдесят восемь лет. Что было известно о нем лет двадцать назад? «Диалоги» и «Экзерсисы», сложная литература… Внезапно ритм его жизни меняется: один-два тома в год. Он получает орден, потом другой, докторскую степень Оксфордского университета. Он станет членом Академии, когда Полина того захочет, но для начала ей нужна Нобелевская премия, и он непременно ее получит… Откуда все эти многочисленные почести? Гийом Фонтен остался все тем же Гийомом Фонтеном, просто Полина все взяла в свои руки.

– А как ей это удалось?

– Она вела тонкую игру, призывала критиков подправлять эпитеты, убеждала тех, кто формирует общественное мнение, трубя о Фонтене, от этикетки *талант* перейти к этикетке *гений*. Привлекла профессоров, в этой среде ее семейство по-прежнему пользовалось авторитетом. Подключила Сорбонну. Поддерживала дружбу с иностранцами. Принуждала своего именитого, но бесхарактерного мужа писать статьи, путешествовать по свету. И вот так, постепенно, подданного муз превратила в знаменитость.

– Какая ты жестокая, Эдме, а на вид такая серьезная и мягкая. К тому же ты несправедлива, в том, что пишет Фонтен, нет ничего вульгарного. И потом, не он искал внимания публики, а, напротив, она сама обратила на него внимание.

– Разумеется. Только не приписывай мне того, чего я не говорила. Наш Гийом отнюдь не глуп, иначе он не сумел бы стать тем, кем стал. Но в том, что он пишет сейчас, чего-то не хватает: чего-то волнующего, загадочного… Говоришь, его романы хорошо напи-

саны? Да, вероятно. Вот только трогают ли они нас так, как его «Экзерсисы»? Не думаю… Заметь, Полина отнюдь не заурядная особа. У меня есть несколько ее писем: они милы, изящны, искусны. Кроме того, она не просто предана Гийому, она его боготворит. Но думаю, по поводу истинных интересов своего супруга она все же ошибается; она побуждает его пожертвовать… как бы лучше выразиться?.. пожертвовать глубиной ради внешнего блеска. А это противоречит истинной природе Гийома. Он начинает осознавать, что это влияние уже мешает ему, искажает его суть, лишает индивидуальности, и порой он осмеливается бунтовать… Для нее это может стать опасным.

– Вот-вот, на днях, когда мы расположились в библиотеке, жена стала наседать на него по поводу какого-то ужина, а тот упирался.

– Ну вот! Молодец!.. Видишь ли, мы, женщины, своими требованиями и капризами можем довести мужчину до грани, до той критической точки, за которой следует разрыв, но главное, вовремя остановиться и не переходить эту грань. Иначе семье, какой бы она ни была, придет конец. Для Полины Фонтен красный свет еще не загорелся, но зеленый уже погас. Что-то произойдет, смотри внимательнее.

III

В течение следующих нескольких недель Эрве неоднократно бывал у Фонтена под различными предлогами: взять книгу, попросить совета. В этих визитах он находил удовольствие, в котором главным было не тщеславие, а искренняя привязанность. Фонтен казался ему обеспокоенным, возможно, даже несчастным. Нет, он не жаловался молодому человеку. Слова его по-прежнему были ироничны, но трогательная учтивость, слегка чопорная и манерная, уже не могла скрыть усталость и даже отчаяние.

Все больше привязываясь к Фонтену, Марсена вынужден был признаться себе самому, что чувствует некоторое разочарование. Когда-то давно знакомство с Гийомом Фонтеном представлялось вершиной его провинциальных устремлений. И вот внезапно оказалось, что его божество принимает его как друга, почти как равного. Кого он увидел? Человека ироничного и вечно жалующегося, немного легкомысленного, который, казалось, не способен вести за собой других, а сам нуждается в проводнике. Во что, собственно, верил Фонтен? Что думал он о жизни и смерти? Каковым было его моральное кредо? Политические, религиозные взгляды? Можно было выслушать его многочасовые рассуждения, не узнав о нем ничего нового, потому что, делая шаг в одном направлении, он непременно тут же делал шаг в направлении совершенно противоположном. Впрочем, читатели вполне благосклонно относились к этой его особенности, поскольку Фонтен принадлежал к небольшому числу избранных, чья нерешительность представляется загадочностью, а непостоянство – изяществом.

Эрве давно уже поставил крест на приглашении на обед, которое когда-то, весьма неохотно, высказала госпожа Фонтен, не позаботившись к тому же уточнить конкретную дату, и вдруг эта дата оказалась назначена, да не в каком-нибудь безликом пригласительном билете, а в письме, написанном собственноручно Полиной: его приглашали в воскресенье отобедать «в узком кругу, дабы иметь возможность поговорить откровенно».

«Интересно, – подумал он, – о чем таком откровенном намеревается говорить эта женщина, плохо представляющая себе, что такое откровенность».

Приглашение он принял. Метрдотель с повадками каноника встретил его со сдержанной улыбкой, явно предназначенной не случайному посетителю, но другу дома. Фонтен, как обычно, был рад его видеть. Но – и это было нечто новое – лицо госпожи Фонтен тоже озарила улыбка, когда Эрве появился на пороге. «Странно, – удивился тот. – Можно подумать, она хочет о чем-то меня попросить. Но что я, жалкое создание, могу сделать для этого всемогущего человека?» Тем не менее он не ошибся; едва лишь они сели за стол в сумрачной – из-за витражей – столовой, как она заговорила:

– Мы пригласили вас одного, месье, потому что нам в голову пришла мысль, которая, надеемся, может вас заинтересовать… Один английский издатель написал моему мужу, что намеревается опубликовать ряд коротких биографий современных писателей. В эту серию он хотел бы включить нескольких французов, в том числе Гийома, а написать эти биографии могли бы молодые авторы… Сопоставить, так сказать, два поколения… что, в общем и целом, вполне удачная мысль. Мы подумали, было бы неплохо, чтобы книга о Гийоме была поручена именно вам, если, конечно, эта работа вас заинтересует. Мы уже имели возможность убедиться, что вы прекрасно знакомы с его творчеством. А что же касается собственно биографии, я готова предоставить вам все необходимые сведения.

Фонтен, который до сих пор не принимал участия в разговоре, казался несколько смущенным. Он вскинул руку.

– Однако же, – обратился он к супруге, – однако же следует узнать, привлекает ли молодого человека этот труд. Он и сам пишет книги. Не понимаю, с какой стати ему заниматься моей жизнью, тем более делать это на заказ.

– О, в самом заказе, – сказал Эрве, – нет, по моему мнению, ничего плохого. Разве самые прекрасные ваши тексты не были написаны на заказ? Я просто сомневаюсь: возможно, профессиональный, признанный критик лучше справится с…

– Речь идет не о критике, – живо откликнулась госпожа Фонтен. – Здесь нужен, скорее, портрет, впечатления на фоне биографического очерка… Вот как я представляю себе эту книгу…

Фонтен нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

– Дорогая, – произнес он, – никому не интересно, как *вы* представляете себе книгу. Если он согласится ее написать, это будет *его* книга, и он напишет ее так, как сочтет нужным. Или вы намереваетесь распоряжаться и им… тоже?

Смущенный оттого, что оказался свидетелем семейной ссоры, Эрве впервые принял сторону госпожи Фонтен и попытался перевести разговор на другую тему. Подвигнуть Фонтена на длинный монолог было весьма нетрудно: стоило лишь произнести имя одного из его любимых авторов. Эрве пробормотал что-то о Жубере, и гроза отступила, сменившись безобидным дождиком цитат и забавных историй.

Когда по окончании обеда в гостиную был подан кофе, Полина Фонтен сказала мужу:

– Гийом, не забудьте, вы обещали передать сегодня вечером для публикации ваш доклад о Ронсаре. Времени у вас в обрез.

– Боже мой! – воскликнул Фонтен. – Ну конечно! К тому же Ронсар! Надо, чтобы все было безукоризненно… Простите, друг мой.

Эрве остался наедине с госпожой Фонтен, именно этого она и хотела.

– Так что же? – решительно произнесла она. – Вы согласны написать эту небольшую книжку?

– Если издатель – и герой книги – не против, то да, мадам. Творчество господина Фонтена оказало на мою жизнь такое серьезное влияние…

– Ваша кузина Ларивьер именно это мне и сказала. Вот увидите, когда вы узнаете Гийома получше, то убедитесь, что как человек он так же привлекателен, как и писатель. В нем нет гордыни… Возможно, он слишком скромен. Впрочем, сейчас речь не об этом… Так вы согласны? Мы напишем эту книгу вместе.

Эрве подскочил. «Только не это, – подумал он, – я не желаю, чтобы она мной распоряжалась, как выразился ее муж!»

Однако вслух он не возразил и подумал, что, возможно, это сотрудничество станет поводом еще больше сблизиться с семейством Фонтен.

IV

В самом деле, начиная с того самого дня он получил привилегию регулярно бывать в доме. Часто Полина Фонтен звонила ему утром: «Я нашла несколько документов, которые вам пригодятся, приходите в шесть». Он находил ее в окружении писем и рукописей, которые она анализировала и комментировала с удивительной тонкостью. Она словно разбирала по винтикам все детали интеллектуального и чувственного механизма своего мужа. От этого ее восхищение им не становилось меньше: она верно служила ему, но и себе служила тоже.

Довольно скоро Эрве понял, чего она от него ждет. До женитьбы у Фонтена была долгая связь с одной молодой женщиной, с которой он познакомился в те времена, когда преподавал в Ренне. Судя по фотографиям, она была весьма очаровательна и трогательна и, если верить Полине Фонтен, обладала весьма незаурядным умом. После женитьбы возлюбленного эта несчастная Минни пыталась покончить с собой. Спасенная хирургом, проявившим больше умения, чем сострадания, она покорилась судьбе.

– И что с нею стало? – спросил Эрве у госпожи Фонтен.

– Умерла два года назад. Она вернулась в Бретань и жила там со своей семьей.

Госпожа Фонтен выразила пожелание, чтобы в своей книге Марсена выступил против тех критиков, которые делят творчество ее мужа на два периода и при этом придерживаются мнения, будто его юношеское творчество, то есть творчество периода Минни, более оригинально и самобытно. Оставшись наедине с Фонтеном, Эрве попытался было затронуть эту тему.

– Ах, друг мой, – задумчиво произнес Фонтен, – если вы захотите изобразить времена моих литературных дебютов, вам придется отдать предпочтение светлым и ярким краскам. В ту пору я не думал о всеобщей злобе, о тщетности наших усилий, о бессмысленности всего сущего. Я доверял всем, и прежде всего себе. Единственное, чего я хотел, это тщательно подбирать эпитеты, а еще сделать так, чтобы в глазах молодой женщины светилось счастье. А сейчас… Искусство? Ну да, конечно, меня это еще развлекает, вот только мою собственную манеру письма знает теперь каждый, я стал как все. Любой подражатель поделится с вами моим рецептом противопоставления эпитетов. Вы сами станете Фонтеном, если пожелаете… Дружба? Чередование невзгод и удач слишком ясно показало мне удручающее непостоянство тех, кому я больше всего доверял.

У него бывали такие дни, когда он только и делал, что сетовал и жаловался.

– Вы неблагодарны, мой дорогой учитель. Если и есть на этой планете существо, которое не имеет права жаловаться… Ваша жена живет только ради вас, ваше творчество, похоже, вас переживет, ваши друзья – самые выдающиеся люди нашего времени. Чего же вы еще хотите?

– Я ничего не хочу, друг мой. Просто жизнь горестна и пуста, вот и все… И все же! Мне осталось десять, возможно, пятнадцать лет жизни. И как же проходят эти неповторимые минуты? Я пишу книгу, в которую сам не верю, принимаю каких-то посторонних людей, которые меня не понимают, а мне бы хотелось мирно наслаждаться последними солнечными лучами, перечитывать любимых поэтов, философов и вновь обрести вкус к жизни, общаясь с молодыми.

– Но теперь, – отозвался Эрве, – я вас не понимаю. Если вы и в самом деле этого хотите, за чем же дело стало? Пишите только ради собственного удовольствия, а что касается молодых, неужели вы, хотя бы на моем примере, не видите, как они были бы рады общению с вами?

– Конечно, друг мой, конечно… Но мне не нужны ученики, я никогда не испытывал желания влиять на чьи-то мысли. Вы – другое дело, вы по доброте душевной готовы выслу-

шивать мои жалобы и мечтания. Вот только вы принимаете меня таким, каков я есть, и не пытаетесь спасти от самого себя. Стараться возродить меня к жизни могли бы только наивные существа, которые говорили бы обо всем и обо всех, только не обо мне… Естественность, почти животная естественность, вот чего я жажду – и чего лишен.

В тот вечер он так жаловался и жалел себя, что на следующий день Марсена не удержался и описал госпоже Фонтен его состояние, намекнув, что перемены в жизни пошли бы на пользу ее супругу.

– Не беспокойтесь, – ответила она, едва заметно пожимая плечами. – Он всегда такой, когда закончил одну книгу и еще не начал другую. Гийом страдает маниакально-депрессивным психозом. У этого заболевания есть различные фазы. Когда он творит, то испытывает эйфорию. Но едва книга закончена, он начинает обдумывать новое произведение, и поначалу это весьма болезненное состояние. Мне столько раз приходилось от него выслушивать, что он стар, исписался, что ему нечего сказать, что новый сюжет ничего не стоит… Я просто слушаю и жду… В один прекрасный момент работа налаживается, настроение улучшается, пессимизм уступает место радостному возбуждению, кризис миновал.

Она говорила это с уверенностью психиатра, описывающего состояние своего пациента.

– Вы знаете его лучше, чем я, мадам. Но не кажется ли вам, что ему бы следовало сменить обстановку, больше общаться с молодежью?

– Понимаю! – с горечью ответила она. – Ваша кузина Ларивьер наговорила вам, будто я чуть ли не лишаю его свободы, что я патологически ревнива, не даю ему общаться с молодыми женщинами и наношу вред его творчеству.

– Эдме не говорила мне ничего подобного!

– Не она, так ее сестра или кто-нибудь еще. Я знаю, о нашей семье рассказывают бог весть что… Если вы чуть лучше нас узнаете, то сами поймете, что они несправедливы. Да, признаю, в начале нашего замужества я ревновала. Теперь Гийом уже немолод, мы женаты уже двадцать пять лет, я даю ему свободу действий. Если он ей не пользуется, значит ему это не нужно. Порой он на какое-то мгновение позволяет себе фантазии, если вдруг получит письмо от какой-нибудь восторженной студентки, потом возвращается за письменный стол, где обретает свое истинное счастье, и ко мне, потому что я один из инструментов его работы, нечто вроде авторучки или словаря Литтре.

Госпожа Фонтен говорила еще долго, Эрве она показалась весьма разумной и спокойной, он решил, что, если рассуждать здраво, его друг находится в надежных руках.

V

У Ларивьеров часто можно было встретить одну молодую художницу, Ванду Неджанин, она делала карандашные портреты и была приятельницей сыновей Эдме. Одевалась она с вызывающей простотой. Эдме, весьма строгая в своих оценках, уважительно отзывалась о рисунках Ванды и в знак того, что ее отзывы были искренни, даже повесила у себя дома один из ее портретов между работами Шагала и Дюфи.

– Серьезно, Эрве, ты не находишь, что эта девушка по-своему гениальна?

– Со словом *гений* следует обращаться осторожно, – ответил Эрве, – но она, безусловно, очень способная. Откуда она?

– Откуда Ванда?.. Я знаю о ней не больше твоего… Ее семья, они русские, то ли из белых, то ли из розовых, эмигрировала в Париж в революцию. Ванда была воспитана полурусской, полуфранцуженкой, поэтому у нее есть легкий акцент… Такое раскатистое *r*… С тех пор как она начала работать самостоятельно, она съехала от родителей и живет в своей мастерской… На улице Ренн, в глубине двора… Я там была у нее… Она очень красива, поэтому у нее много заказов… Ей позировал Ларрак, патрон Франсуа, а всем известно, что ему не хватает терпения! Не думаю, что ее поклонникам что-то от нее перепадает… Несмотря на свое происхождение, в политике она, как выражаются мои дети, весьма «продвинута»… Честно говоря, думаю, ее протест продиктован скорее некими сентиментальными соображениями, а не идеологическими, но уверена, что нас всех она ненавидит.

Подтверждение этому диагнозу Эрве получил несколько дней спустя. Обратив внимание, что Ванда отмалчивается во время разговора Эдме с подругами по поводу того, как трудно жить в современном мире, он сел с нею рядом и спросил:

– А вы почему молчите?

– Что, по-вашему, я должна говорить? Оскорблять их я не хочу. Но как Эдме Ларивьер и ей подобные могут рассуждать о том, как «трудно жить»? Она знает, что подпись внизу чека даст ей еду, одежду, украшения, ей известно, что для того, чтобы перенестись из одной точки пространства в другую, ей достаточно сесть в длинную белую машину, поданную прямо к двери, или нажать кнопку лифта… Ее жизнь – это цепочка чудес… Чтобы понять, как бывает «трудно жить», ей нужно подождать автобуса под дождем, подняться пешком на седьмой этаж, а под конец месяца считать и пересчитывать последние оставшиеся франки…

Свою тираду она произнесла вполголоса, со сверкающими от гнева глазами.

– Вы правы, – согласился Эрве. – Но похоже, вы сами тоже отнюдь не бедствуете.

– В этом году дела идут неплохо, – вынуждена была согласиться она. – Но перед этим два года были ужасными… Просто жить не хотелось… В последнее время снобизм окружающих дает мне средства к существованию… Надо этим воспользоваться. Это ненадолго.

Эрве внимательно посмотрел на нее. Черты лица ее были безукоризненны. Черные волосы, причесанные на прямой пробор, подчеркивали их чистоту и совершенство. Ему в голову пришла мысль: английскому издателю для фронтисписа книги нужен портрет Фонтена – так почему бы не заказать его Ванде?

– Гийом Фонтен? – переспросила она. – Я знаю, что он знаменитость, но не прочла ни одной его строчки. Думаете, он хороший писатель? У меня такое впечатление, что это должно быть что-то напыщенное и претенциозное.

– Вы высмеиваете снобизм, – возразил он, – а сами в него впадаете. В вашем узком кружке Фонтен уже не так моден, как прежде, его так долго превозносили, что отныне, похоже, любое новое мнение о нем кажется злословием. Но я *знаю*, и вы узнаете, если потрудитесь его прочесть, что он достояние французской культуры наряду с Шатобрианом или Флобером.

– Я не француженка и не люблю ни Шатобриана, ни Флобера.

– А кого вы любите?

– Я люблю своих соотечественников: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова… А из ваших?.. Пожалуй, Пруста.

– Прекрасный выбор, но Пруст восхищался Шатобрианом… и Флобером.

Она покачала головой:

– Возможно… Вообще-то, я не так уж и люблю Пруста. Он тоже из тех, для кого жизнь начинается за бульваром Мальзерб. Впрочем, если говорить об этом конкретном деле, мои вкусы совершенно ни при чем. Чтобы написать портрет человека, вовсе не обязательно им восхищаться. Организуйте все, Эрве, я буду очень рада.

– Есть одна проблема: вы слишком красивы. Госпожа Фонтен будет нервничать… Послушайте, она принимает по воскресеньям. Пойдемте к ним вместе со мной.

* * *

В узком кругу любое новое лицо поражает, как незнакомая собака на улицах Комбре. Появление Ванды вызвало любопытство. Алексис с немым осуждением разглядывал черный свитер, приподнимающий высокую грудь. Но Полина Фонтен встретила девушку благосклонно. Эдме, принявшая близко к сердцу идею этой английской биографии, заранее подготовила почву, показав ей сделанные Вандой наброски.

– Они великолепны, – согласилась госпожа Фонтен. – Ваша подруга рисует очень точно и тщательно… Она не из тех, кто станет нелепо уродовать лицо Гийома в угоду собственному тщеславию… Это *очень* хорошая мысль.

В эту первую встречу было решено, что Ванда будет рисовать портрет в Нёйи, в кабинете Фонтена, чтобы не отвлекать своего натурщика от работы. Две недели спустя, встретив Эрве у Эдме Ларивьер, художница поблагодарила его:

– Знаете, какая удача, что вы мне его нашли… Во-первых, он очень милый, говорит мне кучу комплиментов. Он так хорошо позирует, его застенчивость меня просто умиляет. И потом, вы представить себе не можете, каким авторитетом он пользуется среди моих приятелей.

– Легко могу себе представить, я же вам говорил.

– Да, знаю… Просто я не доверяла вашему вкусу, милый Эрве… Но Боб и Бобби, у которых нюх на все самое современное и модное, пришли в восторг: «Ванда, какую крупную рыбину ты поймала, смотри не упусти».

– А что, эта рыбина пытается ускользнуть? Вот было бы странно.

– Честно говоря, и мне это было бы странно, – ответила она.

Она резко засмеялась. Он обратил внимание, что у нее довольно мощная шея, которая не соответствует изящному лицу.

VI

Однажды утром в понедельник Полина Фонтен позвонила Эрве. В этом не было ничего необычного, но ее голос удивил молодого человека. Эта сильная женщина казалась взволнованной и встревоженной.

– Мы вчера не виделись – сказала она. – Гийом плохо себя чувствует. У него высокая температура, врач только что ушел, он сказал, что это, похоже, плеврит… Он уже кашлял в пятницу. А вчера вечером, в воскресенье, в такую ужасную погоду, ему непременно понадобилось выйти из дома, он должен был ужинать с каким-то иностранным издателем на Монпарнасе. Машину он не взял, потому что воскресенье, и долго бегал под дождем в поисках такси, в общем, вернулся совсем больной. Теперь лежит в постели, проболеет целую неделю, и все по собственной вине.

– Мадам, вы уверены, что это не опасно?

– О, во всяком случае, доктор Голен меня уверил, что нет. Он даже позволил Гийому принять вас, вот почему я звоню… Гийом очень настаивал, чтобы вы пришли именно сегодня. Было бы, конечно, разумнее переждать день-другой, но когда мой муж вобьет себе что-нибудь в голову…

– Я приду днем, мадам. Никаких проблем.

Эрве нашел ее в библиотеке. Она уже получила утреннюю почту и теперь отвечала на самые срочные письма, выводя строчки ровным мужским почерком.

– А! Я очень рада вас видеть. Он уже трижды справлялся, не пришли ли вы… Ведет себя как ребенок… Гийом скверный больной… Идемте!

Она повела его на второй этаж, где ему бывать еще не приходилось. Проходя через переднюю, он рассматривал знаменитых Ватто из коллекции Берша.

– Пройдем через мою спальню, – сказала она.

По обе стороны широкой постели в стиле регентства толстощекие золоченые амуры поддерживали парчовый полог. На стенах вызывающе розовый Буше и портрет Фонтена. Туалетная комната с мозаичными стенами, решетчатыми панелями с ромбовидным узором, где сверкали флаконы граненого стекла с массивными серебряными пробками. Ванна, закрытая чехлом с оборками, показалась Эрве нелепой. Госпожа Фонтен постучала в дверь и открыла ее.

– Вот и он! – обратилась она к мужу.

Фонтен сидел в пижаме, он был плохо выбрит, а волосы, примятые подушкой, топорщились во все стороны.

– Здравствуйте, друг мой, – сказал он, кашляя. – Как любезно с вашей стороны, что вы согласились… Садитесь возле кровати… Полина, дайте ему стул и оставьте нас.

Она усадила Эрве, а сама облокотилась на край кровати.

– Что вы будете есть, Гийом? – спросила она. – Голен сказал, что…

Он нетерпеливо прервал ее:

– Мы поговорим об этом после! А сейчас я вас прошу нас оставить.

Он не мог говорить дальше из-за приступа кашля. Оскорбленная Полина Фонтен настаивать не стала.

– Если я здесь лишняя…

Она вышла через ванную, оставив дверь приоткрытой. Эрве показалось, что она затаилась в соседней комнате. Он едва удержался, чтобы не закрыть дверь за портьерой, но подумал, что, если госпожа Фонтен и в самом деле там, его жест покажется невежливым и даже подозрительным. Гийом Фонтен, не заметивший его смущения, сделал знак приблизиться. Он был возбужден то ли из-за температуры, то ли из-за волнения, лицо раскраснелось.

– Садитесь ближе, друг мой, – сказал он вполголоса. – Еще ближе… Мне нужно, чтобы вы оказали мне большую услугу… Сегодня днем я должен был увидеться с нашей Вандой… Да, эта девушка кажется мне очень умной и интересной, я встречаюсь с ней иногда… Сегодня я приглашен на чай в ее мастерскую. Как вы понимаете, я не могу пойти. Нужно ее предупредить… Но как?

– А в чем проблема? – удивился Эрве. – Госпожа Фонтен не знает?..

– Разумеется, нет, она ничего не знает! Она не знает, что вчера вечером я ужинал с Вандой. Понимаете, все это совершенно невинно, и я бы ей обо всем рассказал, будь на месте Полины другая женщина, но вы ее не знаете…

Марсена увидел, что Фонтен, возможно из-за лихорадки, говорит слишком много, и попытался положить конец откровенным излияниям, которые могли бы поставить его в затруднительное положение.

– Конечно, дорогой учитель. Я выйду отсюда и сразу же позвоню.

– Спасибо, друг мой… Но это еще не все… Завтра у этой девочки день рождения, я купил ей в подарок небольшой рисунок Пикассо. Сегодня я должен был забрать его в галерее Эзек, вы знаете, это на улице Сены, за Институтом… Вы не могли бы зайти туда за рисунком и передать его Ванде?.. Я выпишу вам чек… Подайте мне, пожалуйста, чековую книжку, она в верхнем ящике комода, а ручка на столе.

Эрве поднялся и через приоткрытую дверь заметил подол черного платья. Полина Фонтен в самом деле находилась в соседней комнате. Вновь усевшись рядом с больным, он, сделав таинственный вид, приложил палец к губам, но Фонтен не понял намека.

– Вот, – сказал он, – я выпишу чек на ваше имя, чтобы избежать вопросов. Вы его «индоссируете», как они выражаются. Ведь вам приятно будет увидеть нашу очаровательную Ванду. Ах, друг мой! Вы даже не представляете себе, что это значит для меня: в моем возрасте вновь обрести… э-э… истинное наслаждение. Смотреть на эту девушку, слушать ее… На прошлой неделе… – (очередной приступ кашля), – я написал об этом стихи. Со мной такого давным-давно не случалось… Нечто вроде «Мариенбадской элегии»… Я потом вам прочту, когда мне станет лучше, но публиковать, разумеется, не стану. *«Эта книга – для добрых, а не для злых»*. Как все же повезло нашему Гёте! Мне бы хотелось перечитать его переписку с Беттиной…[4] Ему семьдесят лет, ей девятнадцать… Для него это было удивительное возрождение духа… Но он был Гёте, к тому же он был свободен… А я раб.

– Ну, не преувеличивайте, мой дорогой учитель!

– Увы, мой друг, вы… Вы не знаете, что такое госпожа Фонтен! Не думайте только, что я недооцениваю ее добродетели. Она отдала мне все, она жила только ради меня; естественно, что она много и требует. Очень долго она была для меня целебным снадобьем. Вот только со временем его действие утратило свою благотворную силу… Не забывайте, друг мой: женатый мужчина не может развиваться, следуя законам собственной природы. Он имеет право изменяться, то есть жить, только если увлекает в эти изменения свою вторую половину, которая цепляется за его мысли…

Он закашлялся, стал задыхаться.

– Вы слишком много говорите, – сказал Эрве, – вам станет хуже, и потом…

– Постойте… Еще немного… Когда-нибудь вы это поймете. Вот наша эпоха… Нас ожидает ниспровержение всего и вся. Класс, к которому принадлежим мы с Полиной, обречен, как дворянство накануне Французской революции… Я не говорю, хорошо это или плохо, я просто констатирую… Оставаться молодым – это значит чувствовать все так, как

[4] Этими словами открывалось предисловие Беттины фон Арним к первой части ее книги «Переписка Гёте с ребенком». Возможно, Фонтен перепутал двух женщин: Ульрику, которой посвящена «Мариенбадская элегия» (72-летний Гёте влюбился в 17-летнюю Ульрику фон Леветцов во время отдыха в пансионате в Мариенбаде), и Беттину фон Арним, с которой поэт состоял в переписке.

чувствовал в молодости. Принять настоящее – вовсе не означает отринуть прошлое, это означает создать то, что завтра станет прошлым нового мира… Так вот, мне кажется, я готов к этому… Да-да, в самом деле, я нисколько не дорожу всеми этими почестями, богатством, достигнутым общественным положением… Что мне нужно? Побеленная известью келья, матрас, брошенный прямо на пол, питьевая вода и фрукты. Я уже созрел для того, чтобы стать аскетом, друг мой, или пророком… Но я накрепко привязан к каркасу нашего общества, привязан жемчужными ожерельями жены, красными и синими орденскими лентами, которыми она скрутила меня по рукам и ногам. У меня самого никогда не было никаких амбиций! Но эта женщина… Ах, эта женщина… и умная, и ловкая, и верная, и гордая, и настойчивая… Она воспользовалась мной, чтобы добраться до вершины… Вершины чего? И что она там нашла? Эту разодетую толпу, которую она считает блистательной на том лишь основании, что все они сделали удачную карьеру… Карьеру, да, но как говорил кто-то, в каком состоянии?.. Вершины… А что вершины… Вершины пустынны, холодны, покрыты вечными снегами… Если мне не удастся вырваться, я пропал.

– Если вы так чувствуете, дорогой мой учитель, вам надо поменять окружение… Если уж на то пошло, уходите из дому, как Толстой, в этом есть величие.

– Не могу, друг мой. Под каким предлогом? Полина просто идеальная, безупречная жена…

– Безусловно, – нетерпеливо произнес Эрве, – госпожа Фонтен ничего подобного не заслужила. Но она не заслужила и того, чтобы вы отравляли ей жизнь своим дурным настроением.

Молодой человек поднялся и вновь беспокойно покосился на дверь.

– Вы уже уходите? – сказал Фонтен. – Ладно. Только ничего не забудьте… Телефонный звонок, галерея Эзек… Прощайте, друг мой… Жду известий!

На площадке Эрве наткнулся на госпожу Фонтен, которая остановила его твердым, властным и одновременно мученическим взглядом.

– Пройдемте со мной.

VII

Они молча спустились по лестнице, она впереди, он за ней; направились в одну из комнат первого этажа, размером чуть меньше, чем кабинет Фонтена. Стены были увешаны фотографиями, запечатлевшими чету Фонтен на фоне разнообразных пейзажей и достопримечательностей: возле Пирамид, в Толедо, во Флоренции, в Оксфорде, где Фонтен позировал в докторской мантии, в Веймаре, на кладбище султана Эйюпа в Стамбуле. Самые старые снимки уже пожелтели, но на них можно было различить стройную и юную Полину, ее тонкие черты лица и вышедшую из моды прическу. На последних, более четких, фотографиях фигура Полины стала более грузной, в то время как Фонтен, в тридцать лет выглядевший довольно нелепо в своих укороченных пиджаках, с годами приобретал не только нынешние, знакомые всем черты, но и костюмы более качественного покроя.

Каждый раз, когда госпожа Фонтен увлекала его в это святилище, Эрве Марсена с печалью обозревал слияние двух их жизней, и зрелище это неизменно волновало его. Но сегодня он мог смотреть лишь на бледное, с искаженными чертами лицо стоявшей перед ним женщины. Она почти упала в странное допотопное кресло:

– Я все слышала.

– Я знал, мадам, и… позволю себе одно соображение…

– Нет-нет, прошу вас… Я тоже знала, что вы знаете. Я поняла это по вашим ответам, они были так осмотрительны, вы явно опасались… Возможно, вы мне не поверите, но, когда я оставляла вас наедине с Гийомом, у меня не было ни малейшего намерения подслушивать ваш разговор. Я хотела разобрать в туалетной комнате лекарства, которые мне незадолго до этого принесли. Но, услышав начало этой немыслимой исповеди, я просто потеряла голову; я подумала, что, если открою дверь комнаты, Гийом услышит шум, догадается, что я там, и придет в ярость. В общем, я не решилась… В такие моменты разве осознаешь, что ты делаешь и почему?.. Как бы то ни было, я все слышала. Можете себе представить, какое я испытала потрясение.

Она дрожала, ее нос с широкой переносицей казался вылепленным из воска. Эрве сочувствовал ей от всего сердца, но осознавал, что если в этом конфликте он и должен проявить преданность, так это по отношению к своему учителю.

– Все это весьма прискорбно, мадам. Но тут никто не…

Полина с отчаянием умирающей вцепилась обеими руками в руку молодого человека.

– Это просто ответственность! – воскликнула она. – Я сражаюсь за него, а не за себя. Мне совершенно безразлично, общается он или нет с девицей, которая годится ему в дочери! Уверяю вас, если бы он сам мне об этом сказал, разве я стала бы ему мешать? Да, раньше я была ревнива, и даже очень… А сейчас совсем другое дело!

– Если это и в самом деле так, мадам, я не понимаю, что вас встревожило. Раз уж вы готовы с этим мириться…

– Я была готова мириться с тем, что стареющий мужчина проявляет чувственность, но не с тем, что он порочит наш брак! Меня потрясло, как он вам меня описал: амбициозная особа, которая воспользовалась им, чтобы добраться до бог знает каких вершин… Он все забыл!.. Когда мы познакомились с Гийомом, он был никому не известным преподавателем, который тогда уже писал, конечно, и неплохо, но читателей у него не было… Как вы думаете, будь я амбициозна, связалась бы я с этим человеком? При чем здесь амбиции? У меня все было. Я была молода и свободна. Принимала у себя дома блестящих политиков и литераторов… Какой мне был прок от этого невзрачного лицейского преподавателя, автора томика нераспроданных эссе?.. Но я любила его, я не *связалась* с ним, я предоставила в его распоряжение все, что у меня было: связи, влияние. Я стала его любовницей, еще не зная,

намеревается ли он на мне жениться, а для женщины, воспитанной так, как была воспитана я, это было самым весомым доказательством любви, а это что-то значит, вам придется это признать… Он тоже меня любил… Он вряд ли об этом помнит, но я могу показать письма, которые он в ту пору мне писал…

Заметно волнуясь, она наклонилась над ящиками письменного стола. При этом движении волосы выбились из-под черепахового гребня спутанными прядями. В этой мятущейся, безумной женщине трудно было признать безукоризненную, надменную госпожу Фонтен.

– Ключи, – бормотала она, – где мои ключи?.. Ничего не вижу.

– Вот они, в левом ящике, мадам, но, право, не стоит…

– Не стоит?.. Вы только что выслушали речь обвинения, извольте же выслушать подсудимую.

Из картонной папки она вытащила связку перевязанных ленточкой писем. Эрве узнал почерк Фонтена: изящный, наклонный, намеренно архаичный. Полина попыталась развязать ленточку.

– Не могу… Вот, месье, читайте…

Смущенный Эрве пробежал глазами несколько писем. Это были банальные и возвышенные, как сама любовь, излияния мужчины, который только что обрел возлюбленную и вдохновение.

Полина Фонтен с вопрошающим и умоляющим видом смотрела на молодого человека. Ему было стыдно читать при ней эти личные письма, и он вернул ей пачку. Казалось, она немного успокоилась и больше не дрожала. Она поднялась, посмотрелась в зеркало и воскликнула:

– Какой ужас! Волосы!.. Прошу прощения.

Она собрала их и скрепила пряди гребнем.

– Возможно, – сказала она, – Гийом в глубине души признает, что значит для него это прошлое. Что же до настоящего, он, похоже, старательно делает вид, будто я мешаю ему соответствовать своему времени!.. Это всего лишь отговорка, благовидный предлог, и он сам прекрасно это знает. Ему просто хочется ласк молоденькой девушки… Я что, консерватор? Реакционер? Какая глупость! Политика наводит на меня тоску… Если бы я думала, что Гийом был бы счастливее, если бы вел жизнь скромную и уединенную, я бы сама сбежала с ним подальше от Парижа… Но он ничего подобного не хочет. Он вам сказал, что ему было бы достаточно *«побеленной известью кельи»*! Это его любимая тема, но это неправда… Ему нужны все эти книги, а дом, заставленный книжными шкафами, содержать, уверяю вас, непросто… Своих вечерних гостей он любит оставлять на ужин, но ужин не может появиться ниоткуда. Мужчины так же мало знают о тайнах кухни, как пассажиры парохода об угольном трюме… Я капитан корабля… Будем говорить прямо: вся эта философия бедности, презрение к успеху, смирение – это все слова. Разве вы не понимаете, что это все его выдумки?

– Не знаю, мадам. Во всяком случае, он, похоже, сам не отдает себе отчета, что это выдумки… Он полагает, что говорит искренне…

Теперь она была спокойна, и Горгона со взъерошенными волосами опять уступила место госпоже Фонтен.

– Искренне? Не уверена… Вот он жалуется на мои воскресные приемы, а сам *любит* встречаться на них со своими друзьями, *любит* блистать… И кстати, та самая девушка на Монпарнасе, она ведь как раз и устраивает для него все эти собрания… Да, от Доминика, сына Эдме, я узнала, что эта «дева неразумная» на прошлой неделе устроила в своей мастерской коктейль в честь Фонтена! А то, что ее друзья пьют джин, а не чай… Лотреамона читают больше, чем Бодлера… Вопрос времени. Эта мода тоже пройдет.

В этот момент по всему дому разнеслись трели колокольчика, долгие и нетерпеливые.

– Это звонит Гийом, – вздохнула она. – Пойду посмотрю, чего он хочет… Идите выполняйте свое поручение… И проверьте, не забыл ли он подписать чек. Такое с ним часто случается, и тогда бывают всякие проблемы.

VIII

Пожилая мадам Эзек улыбнулась, когда Марсена протянул ей чек:

– А-а, для господина Фонтена. Ну я ему покажу!

Завладев рисунком, Эрве отправился на улицу Ренн. Ванда открыла ему дверь, одетая в серые брюки и красную блузку, которая удачно оттеняла красивое лицо и делала ее похожей на Шелли в женском обличье.

– Ванда, это всего-навсего я… Как я вам уже сказал по телефону, наш друг болен… Он просит принять от него ко дню рождения этот рисунок.

– Держу пари, что это Пикассо от мамаши Эзек! – воскликнула она. – Очень мило. Входите же, Эрве, положите куда-нибудь пальто, на перила или прямо на пол, и садитесь… Да, это и в самом деле Пикассо… Какой душка этот Гийом! Мне так жаль, что он заболел. А это, часом, не супруга заставила его заболеть?

– Уверяю вас, Ванда, когда я его видел, он метался в жару, кашлял так, что грудь разрывалась, и очень переживал, что не может встретиться с вами… Но раз уж вы сами заговорили о госпоже Фонтен, должен вам прояснить ситуацию.

– Какую ситуацию?

– Какую создали вы сами, когда вклинились между двумя половинками этой четы… Да, милая Ванда! Вольно или невольно, но вы породили драму. Сегодня утром Полина Фонтен просто разрыдалась у меня на глазах, потому что услышала из соседней комнаты то, что говорил мне ее муж.

– А что он говорил? Какой вы сегодня странный, Эрве, изъясняетесь загадками. Скажите уж наконец то, что хотите сказать!.. *Что* именно вам говорил Гийом?

– Жаловался на семейную жизнь, на то, что чувствует себя чужим в этом мире, расхваливал вас, в общем, наговорил кучу вещей, которые его жене неприятно было слышать.

– Это наказание за то, что подслушивала под дверью.

– Нет, в самом деле… Уверяю вас, она меня очень растрогала.

Ванда решительно зажгла сигарету:

– И что? К чему вы клоните?

– Это скорее у *вас* я должен спросить, к чему *вы* клоните? Зачем вам эта победа? В самом деле, не собираетесь же вы, молодая и красивая, заставить шестидесятилетнего Гийома Фонтена развестись и жениться на вас?

– Вы же знаете, я вообще против официальных браков. Таких независимых, как я, еще поискать.

– Но в качестве любовника он вам тоже не нужен?

– Мой милый Эрве, скажу вам одну вещь, которая вас, вероятно, удивит: у меня нет *никаких* планов. Вы спрашиваете меня, зачем мне эта победа?.. Прежде всего, я не рассматриваю это как победу… Я знала, что нравлюсь Фонтену и ему приятно меня видеть. Не предполагала, что это может встревожить его жену. И если, как вы говорите, это победа, могу себя с ней поздравить.

– Но, Ванда, вы же не можете его любить!

– Любить? – переспросила она. – Какое неопределенное слово! Оно означает все, что угодно: животную страсть, нежность, болезнь… И почему я не могу любить Гийома? Вы его не знаете. Когда мы наедине, он такой славный. Смеется, говорит мне комплименты… Мы ездим обедать за город, ужинаем в Париже, где-нибудь в бистро… Бедный Гийом! Он ищет разные предлоги, такие наивные, чтобы только оказаться ко мне поближе, взять за руку, обнять за талию… Как это мило. И потом, в нем есть что-то детское, простодушное, когда он растягивается у меня на диване и говорит: «Сделайте мне приятное», это очень трога-

тельно… Он благодарен за любую мелочь, которую от меня получает. И еще мне кажется, что я имею на него влияние. Я в самом начале сказала ему, что ненавижу взгляды его окружения. А он мне ответил, что это не *его* окружение. Когда он понял, что у меня имеются некие политические пристрастия, он решил соблазнить меня именно этим… Нет, правда, Эрве, вы представляете, какой это будет потрясающий эффект, когда во время выборов такой человек, как Фонтен, вдруг выскажется о проблемах, которых прежде он и знать не знал… Это будет сен-са-ци-я. Вот этого я и пытаюсь добиться, и если его жена вздумает встать у меня на пути, я ее просто раздавлю.

– Вы хотите сказать, что пойдете даже на то, чтобы отнять у нее мужа?

– Если бы могла, то да, конечно.

– Но это было бы преступлением. Этим вы наверняка убили бы ее, как если бы выстрелили из револьвера.

Она раздраженно вскинулась:

– Преступление? Да есть ли на свете нечто более мерзкое, чем престарелая супружеская чета? История Филемона и Бавкиды у меня вызывает отвращение! В тот момент, когда супруги перестают чувствовать друг к другу подлинное «вожделение», как сказал бы несчастный Гийом, им следует немедленно расстаться… Знаете, я каждое утро встречаю одну пару, которая живет в нашем доме. Консьержка говорит, что они уже сорок лет совершают ежедневную прогулку по утрам!.. Честное слово, Эрве, когда я вижу, как эти две старые развалины молча тащатся по улице, меня просто тошнит.

– Вы полагаете, лучше, если бы каждый из них был одинок? Впрочем, Фонтен отнюдь не старая развалина… Отнюдь… Вам, Ванда, не хватает человеколюбия.

– Напротив! Мне-то как раз человеколюбия хватает, а вот вы банальны и неискренни. Я русская, дорогой мой, потребность в искренности у меня в крови. А вы, французы, подавляете свои желания. Вы сами скрываете от себя собственные чувства и стремления. Да-да! Вы до последнего вздоха экономите «себе на старость». А когда наступает предсмертная агония, вы осознаете, что остались в дураках, что вы и не жили по-настоящему, а уже слишком поздно, все кончено… Вот от чего я хочу спасти Гийома.

– Убив его жену?

Наклонившись к Эрве, она вызывающе посмотрела ему прямо в глаза:

– Да, я жестока, мой милый Эрве. Я ни секунды не стану колебаться, если придется причинить боль какому-нибудь ничтожному, с моей точки зрения, существу, когда буду уверена, что это поможет мне достигнуть важной цели. О чем вы думаете?

– Я думаю, что вы, наверное, много страдали в своей жизни. Жестокость – это почти всегда реванш за что-то. Так мне кажется.

Она засмеялась:

– Эрве Марсена или исповедник!.. Да, мой дорогой, я много страдала. Уверяю вас, мне нельзя было быть ни слабой, ни слишком чувствительной.

– А теперь?

– Теперь? Как он нетерпелив, этот Эрве! Он хочет знать конец истории, которая едва началась… Вы увидите… *Мы* увидим… О том, что будет дальше, я знаю не больше вашего… А пока не хотите ли чашку чая? Я купила кекс для Гийома… Ввиду отсутствия учителя угостим ученика. Спишем это на счет общих накладных расходов предприятия.

Пока на крошечной кухне закипал чайник, Эрве жадно рассматривал библиотеку Ванды. У нее имелись великие русские авторы, переводы Хемингуэя, Фолкнера, Гёте на немецком, Рембо, Лотреамон, Мальро, Сартр и на краю полки пять новеньких томиков Фонтена. Он открыл их: были разрезаны лишь первые страницы. Она вернулась.

Они сели пить чай.

IX

Несколько иллюстрированных журналов опубликовали портрет Фонтена работы Ванды. И фотографию: он позировал рядом со своим изображением. Одни сочли это забавным, другие нелепым. Мадам Фонтен, которая, как поговаривали, очень плохо себя чувствовала, больше нигде не появлялась со своим мужем и не отвечала на телефонные звонки. Не имея от Фонтенов новостей в течение трех недель, Эрве Марсена отправился на улицу де ла Ферм, где его встретил печальный Алексис.

– Месье сам увидит, дом очень изменился. Мадам совсем нехорошо.

Когда Фонтен принял молодого человека, тот сообщил ему, что почти закончил книгу для английского издателя.

– Ах, друг мой! Какая книга? Сейчас не до этого… Меня очень беспокоит Полина. Даже доктор Голен не понимает, что с ней. Вы скажете, что врачи никогда ничего не понимают, и вообще никто ничего не понимает, но все-таки люди искусства привыкли отводить каждой неприятности свою ячейку с этикеткой, что само по себе успокаивает. Назвать дьявола по имени – это в каком-то смысле… его обезвредить. А болезнь моей жены даже трудно идентифицировать.

– Странно. А какие симптомы?

– Как вам это объяснить? Утром она встает и даже пытается одеться. Потом у нее начинает кружиться голова, она опять ложится в постель и проводит в ней весь день. Когда она собирается поесть, ее тошнит. Я заказываю для нее самые лучшие блюда, которые она когда-то любила. Она не может есть вообще ничего и худеет на глазах… Все это так странно и прискорбно.

Он, казалось, был искренне опечален и пребывал в глубокой растерянности.

– А как ваша работа? – поинтересовался Эрве.

– И не говорите! Я слаб. Лишенный этого волевого начала, которое меня побуждало, я больше не могу ничего делать… Я целыми днями бездельничаю среди моих любимых писателей… Вечером, чтобы забыться, я хожу по ресторанам, в театры, а наша юная подруга Ванда, сочувствуя моему одиночеству, любезно соглашается составить мне компанию.

– А госпожа Фонтен знает об этом?

– Только не от меня, друг мой!.. Я никогда ей об этом не говорю, надеюсь, что и другие не проявят жестокости и ничего не скажут. Впрочем, Полина никого не принимает.

Когда Эрве передал этот разговор Эдме Ларивьер, та стала бранить обеих женщин.

– Мне жаль Полину, – сказала она решительно, – но она пожинает то, что посеяла. Она стремилась держать мужа на поводке, естественно, что он захотел сбежать. Будь у нее побольше юмора и снисходительности, она могла бы спасти главное. Но она решила заполучить все и сразу, а теперь рискует все потерять. Она это чувствует и будет разыгрывать козырную карту: болезнь, чтобы сочувствием к себе добиться того, чего ей не удалось добиться привязанностью и любовью.

– Но что ты говоришь, Эдме, госпожа Фонтен не разыгрывает комедию!.. Ее наблюдает доктор Голен, а он не шарлатан и не станет ей потворствовать, он весьма обеспокоен. Считает, что она серьезно больна.

– Я тоже так считаю. Как говорил Талейран: «Госпожа де Дино приняла решение хорошо себя чувствовать и выздороветь». А госпожа Фонтен приняла решение плохо себя чувствовать и болеть. Когда женщинам нужно, они заболевают «по-настоящему», как сказал бы Гийом. Они даже способны умереть из гордости.

– А почему не сказать *от любви*?

– В этом нет противоречия… Что же касается нашей милой Ванды, она тверда и несгибаема, как стальная балка. Она уверена, что Фонтен может быть ей полезен… Она бы предпочла более молодого человека, но случай предоставил ей Фонтена. Прекрасно! Фонтен – это ее козырь, и ничто не заставит ее прекратить игру… В конце концов, мы тут ничего не можем поделать… Пожалуй, я рада, что ты рассказал мне об этом, я хочу, чтобы ты помог мне разрешить довольно деликатную проблему… Бертье, ну, ты его знаешь, журналист, с которым ты однажды здесь обедал, хочет встретиться с Фонтеном. А я хочу оказать услугу Бертье, он в своих статьях по отношению к нам всегда очень корректен. Но вот в чем проблема: с тех пор как Полина перестала куда-либо ходить, Гийом, попав под чары своей юной красавицы, принимает приглашения на обеды и ужины только в том случае, если приглашают и его возлюбленную тоже. Я считаю это проявлением дурного вкуса… Но это так… Я попыталась пригласить его без нее, так он придумал какой-то совершенно неправдоподобный предлог для отказа. А ведь он так привязан ко мне! И все его подруги: Элен де Тианж, Клер Менетрие, Изабель Шмитт, все они тоже получили отказ. Зато у Денизы Олманн, которая уступила его капризу и даже сама однажды появилась на улице Ренн, парочка обедала три раза за последний месяц! Я не одобряю его поведения, но что толку? Гийом такой, каков он есть… Впрочем, я хочу всего-то-навсего принять малышку: она талантлива, у нее большое будущее… Вот только Полина… если она узнает, то никогда меня не простит и, в сущности, будет права. Мне кажется бесчестным воспользоваться ее болезнью, чтобы пригласить ее мужа с другой женщиной. Что ты об этом думаешь?

– Я думаю то же, что и ты: это не по-дружески по отношению к госпоже Фонтен, только, боюсь, ты все равно это сделаешь.

– Ты сообразительный, – рассмеялась она. – Приходи обедать во вторник с Фонтеном, Вандой и Бертье.

– Ты уже приняла решение? Тогда зачем тебе нужно было мое мнение?

– Если бы ты отреагировал более резко, я бы не стала тебя впутывать, но твоя реакция оказалась вполне умеренной; не знаю, понял ты это сам или нет.

– Послушай, Эдме, что я, по-твоему, должен делать? Вы все уступаете… И потом, ситуация довольно непростая. Если бы я знал *только* мадам Фонтен, я бы отказался видеться с той, другой. Но с Вандой я знаком тоже, это моя приятельница. Как тут выбирать, на чьей я стороне?

– Мой славный Эрве, когда нужно оправдать дурной поступок, уверяю тебя, аргументы всегда найдутся. Я лично думаю, что признать собственное малодушие будет более честно.

– Это никакое не малодушие, – возмутился Эрве. – В конце концов, из них двоих в этой супружеской чете Гийом Фонтен для меня важнее.

Она засмеялась:

– Ох уж эти мужчины!.. Лишь бы не высказать правды.

* * *

Во время обеда Ванда говорила мало, но всякий раз, произнося какую-нибудь фразу, нарочитым *мы* подчеркивала свои права на Фонтена.

– *Мы* ужинали на площади Тертр… Завтра *мы* пойдем на выставку картин из коллекции Комарова…

Эрве поинтересовался, когда откроется выставка портретов, которые она должна была сделать для галереи Эзек.

– Вернисаж будет восьмого июня, – гордо сообщила она, – а предисловие к каталогу напишет Гийом.

– Я думаю, с его стороны это было бы большой ошибкой, – сухо заметила Эдме.

– Отчего же, позвольте узнать? – не согласилась Ванда. – Такое делали и Клодель, и Валери, и десятки других.

– Это совсем другое дело, – ответила Эдме.

– Почему другое?

– Ладно, коль скоро вы настаиваете, буду откровенна: потому что всем известно, с каким восхищением относится к вам ваш друг. Все скажут, что он написал это предисловие из любезности, от этого не будет хорошо ни вам, ни ему.

Ванда побледнела от гнева.

– Так вы полагаете, – спросила она, грассируя заметнее, чем обычно, – что Клодель или Валери не восхищались художниками, которых восхваляли?

Эдме пожала плечами:

– Вы прекрасно знаете, слову *восхищение* мы придаем разный смысл.

После чего она поспешила сменить тему разговора. Ей не хотелось ссориться с парой, которая, похоже, расставаться не собиралась. Гийом Фонтен был во власти чувств и выглядел вполне счастливым, за исключением тех моментов, когда у него справлялись о здоровье Полины. Тогда он мрачнел, что вполне соответствовало ситуации, и возводил глаза к небу.

Они с Вандой ушли, как и пришли, вместе.

X

Полине Фонтен стало известно про обед у Ларивьер. Она имела бурные объяснения с Гийомом, а затем и с Эдме, которую пригласила на улицу де ла Ферм. В течение последующих нескольких дней Фонтен проявлял осмотрительность. Он продолжал наносить визиты Ванде в ее мастерской, но уже не настаивал, чтобы их приглашали вместе. Однажды вечером он попросил Эрве Марсена навестить его в Нёйи, чтобы скрасить одиночество и разделить ужин. После ужина он увлек молодого человека в сад и там, под звездным небом, сделал грустное признание:

– Ах, друг мой! Представьте себе, я, эпикуреец, совершенно не созданный для трагедий, оказался вдруг в… э-э… корнелевской ситуации. Да-да, именно корнелевской, другого слова не подобрать, ведь вы же понимаете, только бессовестный, неблагодарный человек может забыть подлинную преданность, любовь, которая если и была излишне требовательной, то лишь оттого, что не знала границ… Но все же какое отчаяние я бы испытал, если бы пришлось отказаться от этого чувства, последнего сполоха пламени, озарившего давно погасшее сердце. Право же, мой славный друг, о моих невзгодах мне следовало бы слагать стансы, столь же… патетические, как стансы дона Родриго, потому что препятствие – это моя супруга, а та, что ее оскорбляет, – моя возлюбленная.

– Но что произошло? Уверяю вас, я совершенно не в курсе ваших любовных дел.

– Увы! Это все непросто. Полине с каждым днем становится все хуже, нет никаких сомнений. Она отказывается от пищи и худеет, на нее больно смотреть. Она уже потеряла двенадцать, пятнадцать килограммов… Это что-то ужасное… Доктор Голен не скрывает от меня, что опасается худшего. Полина переносит все стоически, но меня не обманешь. Это, безусловно, болезнь души, а не тела: стоило мне на прошедшей неделе отказаться от всех приглашений и не покидать дома, доктора тут же констатировали некоторое улучшение, которое они, как и все представители их профессии, приписывают исключительно своему… э-э… умению. Но теперь Ванда приходит в ярость и предупреждает меня, что, если я по-прежнему буду ею пренебрегать, ей это надоест. А я не могу от нее отказаться. Это выше моих сил. С тех пор как она появилась в моей жизни, я стал другим человеком. Давайте, друг мой, сядем на эту вот скамейку.

Росший рядом цветущий куст жимолости источал божественный аромат.

– Да, – продолжал Фонтен, – совершенно другим человеком… Не так давно я жаловался вам, что потерял интерес к работе. Теперь это прошло… Вы сами в этом убедитесь, когда я смогу прочесть вам длинную повесть, над которой, спасибо Ванде, я сейчас работаю… Знаете, прежде я никогда не был доволен тем, что пишу, а теперь это что-то новое, я уверен… Почему вы морщитесь?

– Потому что опасаюсь, дорогой учитель, как бы из-за Ванды вы не стали увлекаться предметами, вам вовсе не свойственными. Четко выраженные идеи в повести или романе… нет ничего опаснее.

– Предрассудки, друг мой, предрассудки!.. Возьмем, к примеру, Толстого, разве он боялся четко выраженных идей?.. А Джойс? А Пруст? Они не боялись вставлять в свои романы долгие литературные и даже политические дискуссии… Нет, эта нежная особа могла бы стать для меня источником молодости… Вот только я… страдаю. Я не хотел бы причинять боль ни той ни другой.

– Это непросто.

– Непросто? Разумеется… Но вполне возможно, если вы мне поможете.

И так, прохаживаясь вокруг цветника, Эрве Марсена согласился предоставить алиби на всю вторую половину июньского дня, которую Фонтен провел в галерее Эзек на вернисаже

выставки Ванды Неджанин. Ванда потребовала, чтобы он не отходил от нее ни на шаг. Эдме Ларивьер, быстро пробежав по залу, завела Эрве за кадку с пальмовым деревом:

– Теперь ты признаешь, как это нелепо?! Гийом изображает из себя хозяина дома. А это предисловие… Она заставила его упомянуть какого-то Неджанина, который был маршалом при дворе Екатерины Великой! Скорее всего, это неправда, и потом, хотелось бы понять, хочет ли она быть товарищем Вандой или великой герцогиней в изгнании… А как тебе эта фраза о ее необыкновенной простоте? Наверняка сама ее и продиктовала: «Всегда строго одета, в черное, без единого украшения…» Ладно, она и в самом деле ничего не носит, даже часов, поэтому, кстати, всегда и опаздывает… Но «строго одета», вот уж нет!.. Во всяком случае, с тех пор, как она встречается с Гийомом…

– Эдме, какая страсть! Какой пыл! Что она тебе сделала?

– Она разрушила дружбу, которой я очень дорожила.

Критики между тем расхваливали портреты Ванды. Боб и Бобби, близкие приятели Ванды, забавная чета гомосексуалистов, ликовали.

– Теперь все здорово! – сказал Боб Ванде. – Тебя приняли в высшем обществе… Ничего бы не было, если бы не твой талант, но у тебя его полно, и это главное… Подружки поджидали тебя за углом, чтобы прикончить… Но ты победила, и они будут гордиться тобой.

Этот день Ванда, Фонтен, Эрве, Боб и Бобби решили завершить на Монмартре. Гийом был счастлив: оттого, что ему удалось сбежать из дома, оттого, что Ванда была с ним так приветлива и держала под руку, как супруга, оттого, что монмартрские кафе на открытом воздухе прятались под кронами каштановых деревьев на маленьких площадях.

* * *

Через несколько дней Ванда уехала на юг. Ее пригласили Боб и Бобби, у которых имелся домик в Вильфранше.

– Если вы захотите к нам приехать, дорогой Гийом, – сказала она расстроенному Фонтену, – они будут счастли-вы… Их вилла – это всего лишь рыбачья хижина, но лучшая комната будет ваша… Красивые девушки на пляже… А я буду *так* рада пожить наконец с вами под одной крышей… Во всяком случае, вы хоть отвлечетесь… Мы вам устроим уголок для работы.

– Я предпочел бы, – сказал он, – чтобы вы остались в Париже… Моя жена…

– Мне очень жаль, – холодно ответила она, – я не могу пожертвовать своими тремя месяцами солнца… Буду вас ждать.

Но Полина была не в том состоянии, чтобы покинуть Нёйи, а Фонтену достало здравого смысла понять, что оставить ее он не может. Эрве Марсена возобновил привычку почти каждый вечер отправляться на улицу де ла Ферм. Госпожа Фонтен, зная, что Ванда находится далеко, более не выказывала подозрительности и поощряла супруга к общению с молодым человеком. Фонтен испытывал простодушную радость, посещая места, которые открыла ему Ванда, и спектакли, на которых они когда-то были вместе. Все, что она любила – картины, пластинки, фильмы, блюда, – сохраняло в глазах Гийома удивительное очарование. Лето было знойным, и молодые женщины за столиками кафе Монмартра одевались в легкие платья ярких расцветок.

XI

Миновало 14 июля, и четыре тысячи человек, которые, на том основании, что поздно ложатся спать, полагали, будто ведут светскую жизнь, разъехались по морским курортам и загородным имениям. Мужественный и стенающий Фонтен оставался на своем супружеском посту. Его жена чувствовала себя лучше. Она уже понемногу вставала с постели и лежала на диване, одетая в старинное домашнее платье, через прозрачную батистовую ткань просвечивала поблекшая позолота росписи по черному бархату. Она по-прежнему была болезненно бледна, но когда впервые после долгого перерыва приняла Марсена, тот поразился, увидев ее: она напомнила ему актрис, которые после паузы в репетиции безо всяких усилий вновь обретают драматический настрой. Так и Полина легко и непринужденно вошла в роль женщины живой и блистательной.

– Добрый вечер, Эрве, – сказала она. (Она назвала его так впервые.) – Я часто думаю о вас, и думаю с благодарностью. Вы остались в Париже из-за нас, как это мило… Очень мило… Вы, как никто другой, заботитесь о Гийоме, пока я болею. Осталось недолго… Сегодня вечером доктор Голен сказал, что очень мной доволен. Он говорит, что на следующей неделе мне можно будет уже посидеть в саду. А пока уведите куда-нибудь Гийома, пусть развлечется… Бедняга, ему выпало такое скучное лето!

Стояла душная ночь, без единого ветерка. Марсена повел Фонтена в плавучий ресторан, переделанный из баржи. Вокруг говорили по-английски, по-немецки, по-испански. Фонтен жаловался. Как тяжело выносить жару, говорил он, после отъезда Ванды он совершенно не может работать.

– Но на юге жара еще сильнее, – ответил Эрве.

– Вовсе нет!.. На юге всегда дует ветерок с моря… Наша подруга написала мне, что ночи на берегу божественно прекрасны… Конечно, рядом с нею ночи могут быть только такими… Вот послушайте…

Он вытащил из кармана письмо. Эрве узнал решительный мужской почерк Ванды. Он прочел:

«Небо синее, море синее, моя душа синяя. Подавая мне поднос с завтраком, Боб сказал: „Тебе письмо“. Через противомоскитную сетку я протянула еще не проснувшуюся руку. Спустя несколько мгновений я покраснела, читая эти любезные, слишком любезные слова, что вы написали обо мне. Мое сердце тоже полно вами, но я решительна и требовательна. Дорогой Гийом, может быть, вы все-таки приедете ко мне? Море, шумный и грязный порт, обнаженные по пояс грузчики, все это примирит вас с жизнью, между тем как Париж, парижане в пиджаках и рубашках с застегнутыми воротничками – это так уродливо и нагоняет тоску. Удается ли вам, по крайней мере, работать? Вы закончили *мою* повесть? Я часто думаю об этом. Друзья насмехаются надо мной, потому что стоит мне открыть рот, как я произношу ваше имя: „Фонтен…“ Как вам было бы здесь хорошо, особенно в этот час, когда взмывают белые паруса и по фиолетовому морю снуют катера с веселыми моряками. Приезжайте же, Гийом. Вы увидите, как я поджариваю спину, руки, ноги, грудь на знойной террасе. Приезжайте, жизнь прекрасна, и вы поможете мне ее полюбить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.